

Мифологические и реальные трансформации постсоветского общества (на примере Эстонии)

На почве характерного для советского общества мифологизированного сознания выросла нынешняя постсоветская мифология. Начало ей положил миф о трагической, мгновенной гибели советской цивилизации в результате спровоцированного контрреволюционного (иногда говорят — революционного) переворота. Хотя с институциональных позиций ничего апокалиптического и революционного в двух совпавших по времени процессах девяностых годов не происходило. Первый из них — дезинтеграция Союза ССР. Второй — трансформация командно-административной экономики в рыночную со специфическими изменениями отношений собственности в каждой из республик. Разделение СССР происходило в строгом соответствии с нормами действовавшей Конституции, где в 76-й статье говорилось, что „Союзная республика — суверенное советское государство“; а в 72-й статье, что „за каждой из советских республик сохраняется право выхода из СССР“. Реализовали это право легитимные Верховные Советы республик.

Процесс изменения социально-экономических отношений происходил во всех ставших самостоятельными государствами примерно в одном направлении, но с разной скоростью. Этот „великий эволюционный перелом“ (по словам Александра Зиновьева) в точности соответствовал принципу, сформулированному основоположником неоинституционализма, нобелевским лауреатом Дугласом Нортом, что в первоначально идеологизированном обществе по мере его развития происходит разложение формализованных правил и нарастает роль латентных отношений [1]. В реальности шло накопление таких отношений до состояния, когда они потребовали легализации и принятия в качестве нормы, что привело к отмеченному Людмилой Булавкой-Бузгалиной положению, когда „после распада СССР развитие российской системы пошло в русле реверсивной или попятной логики“. И далее — „это приводило, с одной стороны, к распаду всего, что составляло потенциал действительного развития, а с другой — к усилению старых (советских) форм отчуждения и появлению новых, мутантно-капиталистических“ [2]. Движение в этом направлении не завершилось. Продолжается трансформация уже постсоветского общества, сопровождаемая новыми мифами.

Рассмотрим их на примере Эстонии, где в силу малости страны все процессы идут быстрее и прозрачнее.

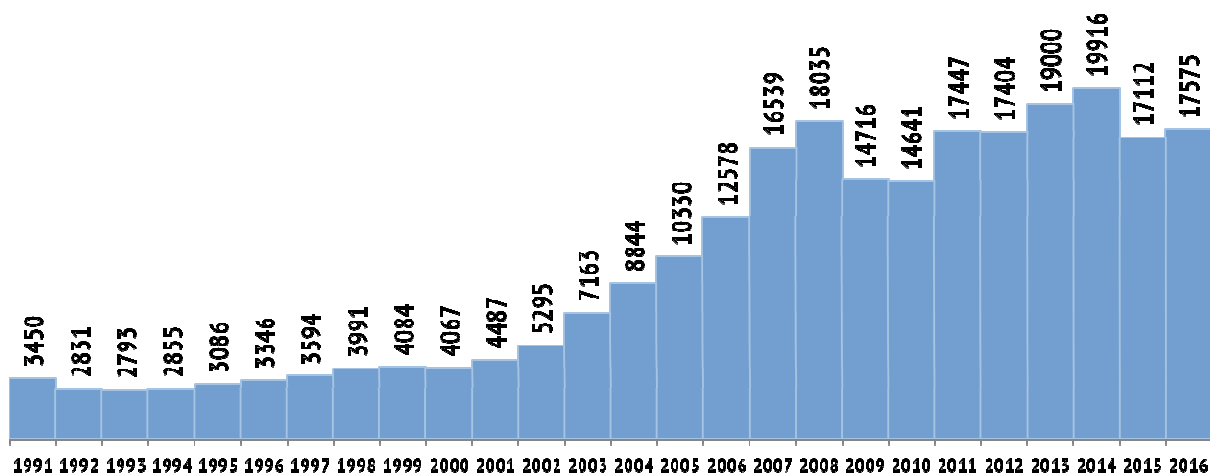
Характер переходного периода для постсоветских государств довольно точно сформулировал Руслан Гринберг: „Мы хотели социализма с человеческим лицом, а теперь мы хотим капитализма с человеческим лицом. В конечном итоге мы хотели справедливого общества. И чтобы человек был не только сыт, обут, одет, но и чтобы был свободен. Этого нам не хватало в середине 1980-х годов“ [3]. Чтобы не попасть под действие мифа о разрушении социалистического общества необходимо оценить „социалистичность“ СССР, о которой в июне 1990 года на XXVIII съезде КПСС академик Абалкин заявил: „Надо ясно представлять себе, что социализма мы не построили и в условиях социалистического общества не жили“ [4].

Неприятие сословного общества, построенного в СССР, достигло апогея уже к середине 60-х годов прошлого века и потому миф о равных возможностях и справедливости „невидимой руки рынка“ был воспринят с энтузиазмом на всём

постсоветском пространстве. Тем более он активно поддерживался несменившейся советской элитой, возглавившей (как это было в Эстонии) эволюцию командно-распорядительной системы в рыночноориентированную. Председатель Верховного Совета ЭССР с 1990 по 1992 год (бывший до того секретарём ЦК Компартии Эстонии) Арнольд Рюитель после пятилетнего перерыва стал снова президентом Эстонской Республики с 2001 по 2006 год. Правительство после 1991 года возглавляли бывший председатель Госплана ЭССР, бывший министр автомобильного транспорта ЭССР и другие советские чиновники высокого ранга. Но главным фактором поддержки „рыночного“ перехода были экономические результаты развития страны конца 90-х — начала 2000-х годов.

На рисунке 1 показано движение ВВП Эстонии с 1991 по 2016 год. Миф о свободной самореализации в условиях рынка плотно перекрывал во время первой постсоветской „пятилетки“ возможное разочарование общества реальной деиндустриализацией в городах, а также разукрупнением сельских хозяйств и архаизацией в деревне. Три фактора работали в реальности на рост экономики (и рыночный миф): товарный голод, снятый челноками (Эстония в челночной логистике оказалась в выигрышном положении); превращение страны в зону комплектации и отгрузки морем крупных партий цветных металлов, удобрений и леса из России; и, наконец, моральная деградация частей Советской армии, застрявших в Эстонии, которые обеспечивали самовыживание продажей через „штатских“ военного имущества (от вагонов противогазов до вагонов оружия).

Рис. 1. Размер ВВП на душу населения, в долларах США

По мере истощения этих источников псевдоэстонского экспорта наступала пятилетка сплошной приватизации всего и вся, сопровождаемая мифом о собственности, как основе роста экономики и благосостояния. Наметившаяся тенденция к созданию арендных коллективов и кооперации на селе быстро заменилась „прихватизацией“ имущества предприятий, колхозов, совхозов, а также служебных зданий „начальством“ и полной передачей „народу“ всего жилья. Именно эта „народная“ приватизация полностью примирила власть и массу „ответственных квартирособственников“. Это был редкий случай, когда реально случилось, что „народ и партия едины“. Государство в одночасье полностью сбросило с плеч груз расходов на содержание жилого фонда, а советские квазисобственники квартир, уставшие от латентных отношений нелегальных продаж, обменов, подношений ЖЭКом и домоуправам для решения любых вопросов от получения справок до латания крыш или чистки канализационных систем, становились владельцами „квартирной недвижимости“ и долевыми собственниками зданий с земельными

придомовыми участками. Приватизация жилья почти совпала по времени с переходом банковской системы Эстонии под руку шведских и финских банков, развернувших широчайшее ипотечное кредитование на протяжении третьей постсоветской пятилетки (2002—2007 годов). И тут пришло всем счастье! На кредитных инвестициях образовался постсоветский средний класс. Заговорили об Эстонии как „Балтийском тигре“. Рост экономики впечатлял. С 2002 по 2008 год ВВП на душу населения вырос в 3 раза (на 300 %). В деловой среде взбухали мифы об Эстонии, как о логистическом центре северо-запада Европы. Никого не заботила полная деиндустриализация в окружении самых индустриально развитых стран ЕС: Швеции, Финляндии, Дании и северных провинций Германии.

Крах в результате кредитного перегрева экономики 2009 и 2010 годов с последующей стагнацией способствовал развитию ресентимента в среде молодого среднего класса и превращению его в прекариат. Некоторую стабилизацию ВВП после 2011 года обеспечила необходимость приведения приватизированного жилья в соответствие с современными требованиями прежде всего по теплосбережению и экономии других коммунальных услуг. К 2015 году стала очевидной реальная, а не мифологизированная цена приватизации многоквартирных домов. В Эстонии появился неизвестный Европе нищий владелец недвижимости. Дома, заселённые пёстрым по финансовым возможностям составом квартирособственников, превращаются в „товарищеские террариумы“ из-за разных инвестиционных возможностей и радикального несовпадения жизненных ценностей.

По данным переписи населения и жилья в Эстонии на 01.01.2013 отношения собственности на квартиры показаны в таблице 1.

Таблица 1.

Всего жилых помещений	Распределение по собственнику			
	Физическое лицо — житель Эстонии	Физическое лицо — иностранный житель	Государство и самоуправления	Иные собственники
324 802	309 136	5190	6719	3757
100 %	95,2 %	1,6 %	2 %	1,2 %

А „по возрасту“ зданий данные приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Многоквартирный дом	Количество домов итого	Время постройки													
		До 1919	1919–1945	1946–1960	1961–1970	1971–1980	1981–1990	1991–2000	2001–2005	2006 и позднее	Не закончено	Неизвестно, но ранее 1946	Неизвестно, но в 1946–1990	Неизвестно, но в 1991 или позднее	Время постройки неизвестно
Вся Эстония	23616	2837	4190	3128	4008	3324	2905	457	512	889	20	540	469	35	302
Городские поселения	16585	2425	3825	2405	2127	1812	1695	362	417	634	7	454	190	25	207

Миф о преимущественно собственном жилье в „западном“ обществе абсолютно далёк от реальности. Сравнение соотношения собственного и арендованного жилья в столицах стран ЕС показаны в таблице 3.

Таблица 3.

Город	Женева	Берлин	Амстердам	Вена	Брюссель	Париж	Копенгаген	Стокгольм	Хельсинки
Доля аренды жилья в %	95 %	89 %	86 %	76 %	58 %	54 %	51 %	48 %	46 %

Практически стопроцентная собственность на жильё в условиях, когда четверть семей Эстонии находится ниже черты бедности (по данным Евростата) не только создаёт проблемы финансирования ремонта в каждом доме, но противостоит современной практике поиска работы с многократной переменной городов и даже стран. Также она не согласуется с практикой не мене четырёх-, а то и пятикратной смены жилья в старых странах ЕС. Когда молодой человек, уйдя из семьи, снимает „студию“, затем — создав семью — дешёвую квартиру (с числом комнат по членам семьи плюс ещё одна), дальше квартиру со степенью комфорта по уровню доходов и, наконец, после ухода детей, родители снимают квартиру в домах для пожилых с дежурной медсестрой и комплексом бытовых услуг. Приватизационная удавка способна породить новую протестную мифологию (вроде московской лета 2017 года).

Самое печальное в жилищной сфере — продолжение тенденции на строительство жилья на продажу, что не только тиражирует правовые и экономические сложности. Но и перекрывает развитие городов в соответствии с „новой урбанистикой“.

Социальное напряжение, вызванное отсутствием рабочих мест для образованной молодёжи и необходимостью её отъезда в соседние индустриализованные страны — канализируется в страх от внешних врагов, а экономические неудачи объясняются их же происками (запретом поставок сельхозпродукции в Россию, например).

Левоецентристские политические силы, имеющие власть в Таллине и пришедшие в коалиционную власть страны в конце 2016 года, пытаются поднять экономику на основе роста потребления малообеспеченными слоями. В Таллине через развитие общественных фондов потребления (бесплатный городской общественный транспорт с 2015 года). С этой же целью с 01.01.2018 трёхкратно увеличен необлагаемый налогом минимум (до 500 евро) при медианной зарплате в районе 800 евро с 01.01.2018. Это локальное решение не влияет на всю налоговую систему, построенную так, что наполняет бюджет в основном „податное сословие“ (слои, живущие от зарплаты до зарплаты), а „налоговое дворянство“ (10—15 % самых обеспеченных семей) не ощущают налоговой нагрузки в той же мере. И новая власть не рискует сменить этот вектор, поддерживая либеральный миф о справедливом налогообложении косвенными налогами (налогом с оборота и акцизами), которые платят больше те, кто больше потребляет. Хотя в реальности малообеспеченные слои тратят на потребление весь доход, уплачивая косвенные налоги по максимуму, а чем выше степень обеспеченности семей, тем меньшая его доля идёт на потребление, соответственно, фактически снижая процент уплаты косвенных налогов [5].

Страна стоит перед новым эволюционным переломом. При том, что преобладающий класс прекариата легко ведётся на популистские лозунги. То есть поворот необходимо совершать в условиях мифологизации общественного сознания не меньшей, чем в девяностые годы, с той разницей, что тогда работала мифология ожидания близкого счастья, а сейчас — мифология страха сваливания в бедность и страха войны.

Динамика мифологизации общественного сознания и реальных факторов экономической и социальной трансформации показана в таблице 4.

Таблица 4.

Связь движения экономики — социальной мифологии — реальных факторов перемен и эволюции общества на примере постсоветской Эстонии

Постсоветские пятилетки: год начала — год окончания	ВВП на душу населения в \$ США начала и конца пятилетия	Расхожие мифы в общественном сознании	Реальные факторы экономических и социальных перемен	Характер общества и господствующие настроения в нём
1992 — 1996	2831 — [+18%] 3346	Экономическая свобода, позволяющая каждому достичь благополучия	1. Товарный голод, снимаемый челноками при благоприятной логистике 2. Транзит цв. металлов, леса и др. сырья из России	Высокий уровень индивидуальной инициативы, обеспечивший общественный подъём и быстрый успех ср. класса
1997 — 2001	3594 — [+25%] 4487	<i>Homo sovieticus</i> превращаются в <i>Homo economicus</i>	1. Приватизация 2. Переход банков в руки шведов и финнов 3. Открытие рынков ЕС	Уверенность в завтрашнем дне на основе собственности и дешёвых кредитов. Ср. класс диктует правила
2002 — 2006	5295 — [+37%] 12578	Эстония — балтийский тигр	1. Ипотека под 2—4 % годовых 2. Отмена подоходного налога с бизнеса 3. Переход к евро 4. Еврофонды	Общество потребления и почти половина населения — ср. класс. Устойчивое благополучие
2007 — 2010 — 2011	16559 — [-13%] 14641 — [+19%] 17447	Всесилие банков. Евросоюз требует деинду- стриализацию	1. Перегрев экономики от ипотеки 2. Начало еврокризиса 3. Обвал рынка недвижимости	Растерянность и боязнь свалиться в нищету. Зарождение прекариата
2012 — 2016	17404 — [+1%] 17573	Банкротство либеральной модели	1. Общий европейский кризис 2. Рецессия 3. Требования банков по обслуживанию кредитов	Ресентимент всеобщий. Бегство молодёжи из страны. Рост прекариата

Список литературы

1. *Норт Д. К.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6310> (дата обращения: 26.04.2017).
2. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Глобализация отчуждения: в поисках альтернативы // Свободная мысль. 2017. № 1 (1661).
3. *Гринберг Р.С.* Круглый стол «Мир перемен: возможное и невозможное» // Социализм после социализма / под ред. М. И. Воейкова. СПб, 2011. С. 9.
4. *Абалкин Л.И.* Социализм мы не построили // Социализм после социализма / под ред. М. И. Воейкова. СПб, 2011. С. 21.
5. *Вайнгорт В.Л.* Тенденции развития налоговой системы Эстонии после её вступления в Евросоюз // Материалы VIII Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». Санкт-Петербург, 20-22 апреля 2016 года. СПб, 2015. Т. 2. С. 36.